

Алексей Будищев

Фальшивая монета

Алексей Будищев
Фальшивая монета

«Public Domain»

1897

Будищев А. Н.

Фальшивая монета / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1897

«Сергей Петрович подошел к окошку, вздрагивая и нервно позевывая, и заглянул на улицу. Маленький губернский городишко уже давно спал. Было тихо. Деревянные обильно смоченные дождем тротуары блестели, как разостланные холсты, и пропадали во мраке. Осенняя беззвездная ночь уныло глядела на землю. Луна точно скучала, томясь одиночеством, и при первой возможности спешила нырнуть в косматое облачко...»

© Будищев А. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Алексей Будищев

Фальшивая монета

Сергей Петрович подошел к окошку, вздрагивая и нервно позевывая, и заглянул на улицу. Маленький губернский городишко уже давно спал. Было тихо. Деревянные обильно смоченные дождем тротуары блестели, как разостланные холсты, и пропадали во мраке. Осенняя беззвездная ночь уныло глядела на землю. Луна точно скучала, томясь одиночеством, и при первой возможности спешила нырнуть в косматое облачко.

Сергей Петрович вздрогнул и подумал: «...Боже, как грустно! Что это Кремень не идет?»

Он зашагал по комнате, чистой и уютной, заключающей в себе его кабинет и спальню. Затем он опустился, почти упал, в кресло около письменного стола и прошептал:

– Ах, Господи, да зачем же я в такую гнуснейшую историю-то впутался? Да где у меня голова-то была?

«Да ведь мне завтра драться, – продолжал он мысленно, – на дуэли драться, когда я путем и пистолета в руках держать не умею! Фу, как это с моей стороны гнусно! Да ведь я даже и права-то не имею жизнью своей рисковать! Ведь у меня мать и десятилетний братишка на руках! Ведь они пить-есть просят и, если я убит буду, нищими пойдут! Ах, как это скверно, как это подло, как это глупо!»

Сергей Петрович снова заходил по комнате, нервно пощипывая светло-русые усики. В его серых глазах стояли слезы. А на его совсем юном лице блуждало выражение невылазной тоски и скорбного, недоумения.

«Вот и Кремень тоже, – подумал он, – товарищем чего нет считается, а сам первый в секунданты вызвался, свидетелем смерти моей быть желает!»

Сергей Петрович опять подсел к столу.

«Ах, Кремень, Кремень, – продолжал он мысленно, – зачем ты меня на поединок тащишь? Ведь я не хочу этого, понимаешь ли ты, не хочу! – Ведь я пугаюсь, если при мне громко орех расколют, а тут вдруг в меня стрелять станут, в меня, в живого человека, ни за что ни про что, здорово живешь, из-за подлейшей истории, из-за глупейшего венского стула, которому и цена-то медный грош!»

– Ах, Кремень, Кремень! – вслух простонал Сергей Петрович и вздрогнул.

В комнату вошла его мать Дарья Панкратьевна, худенькая старушка с добрым лицом.

– Ты что, Сереженька, стонешь? – спросила она, участливо заглядывая в глаза сына. – Али тебе неможется?

Сергей Петрович попробовал сделать веселое лицо.

– Нет, маменька, я ничего. Дело у меня спешное есть, это правда, а здоровье ничего. Вы мне, маменька, не мешайте, а то к сроку не сделаешь распеканция будет, а я распеканций как огня боюсь. Робок я, маменька, ах, как робок! – добавил он со вздохом.

Дарья Панкратьевна опустилась рядом на стул.

– Не скрывай от меня, Сереженька – заговорила она певуче. – Не вышло ли у тебя истории какой у Загогулиных? Больно уж ты рано вернулся оттуда; там, поди, только теперь самый разгар танцев-то! Не скрывай от меня, Сереженька! Уж не Варюшенька ли Загогулина обидела тебя чем, а? Ведь я знаю, все знаю! Вижу, что у тебя по ней сердечко болит! Так ведь? Она, може, какому другому кавалеру предпочтение оказала? Да? а ты ну, конечно, человек молодой да горячий: «фырк фырк», шапку в охапку да в дверь. Так? Варюшенька-то, може, офицеру какому из новоприбывших предпочтение свое оказала; женский пол ух как до сабель-шпор падок! Ну, а ваш брат чиновничек небольшой, тоже известно с амбицией: мы, дескать перед офицерами в грязь лицом не ударим, мы, дескать и сами с усами! Футы, нуты! Да?

Дарья Панкратьевна хотела было ласково улыбнуться, но внезапно побледнела и глядела на сына как бы с недоумением и даже с испугом, так как Сергей Петрович поднялся при последних словах матери в сильнейшем волнении.

– С балу-то я, маменька, вернулся, это верно, – прошептал он, вздрагивая, – но что касается Варюшенькиного предпочтения, то я на него плюю! Да-с, плюю и даже не извиняюсь! И что касается офицеров тоже, то прошу вас маменька глаза мне ими не колоть. Нечего-с! Мы и сами не хуже их и, быть может, в скором времени им себя покажем. Покажем, маменька, покажем, покажем!

Последние слова Сергей Петрович даже выкрикивал волнуясь и притопывая ногою. Но он внезапно замолчал, увидев ошеломленное и огорченное лицо матери.

– Маменька, – прошептал он, становясь пред старушкой на колени и лоя её руки, – маменька, простите меня, самолюбца проклятого, огорчил я вас и обидел, и все потому, что у меня дела по горло, а вы ко мне с расспросами пристаёте; простите меня, маменька!

Глаза Дарьи Панкратьевны сразу повеселели.

– Ох, сынок, да неужто же у тебя с офицерами ничего не вышло? – спросила она все еще с недоумением на лице. – А я думала-думала, гадала-гадала. Вижу, ты пришел рано и все по комнате бегаешь и все стонешь, слышу! Я даже карты раскладывала, и все тебе скверно выходило: туз пиковый прямо на сердце твое упал, и в доме червонном тебя хлопоты пиковые ожидали. И все пики и все пики! Я даже расплакалась. Терпеть я не могу пиковой природы!

Сергей Петрович поцеловал руки матери. Он хотел было что-то сказать, но Дарья Панкратьевна перебила его.

– И все это оттого, Сереженька, – снова заговорила она, – оттого беспокоюсь я, потому что вижу, больно уж вы с Кремнем офицеров невзлюбили. И все из-за дам! До прихода ихнего вы и сами были первыми кавалерами, и теперь, конечно, вам обидно. Но что делать, смириться надо! Вы – люди маленькие, а офицер всегда первым танцором и первым кавалером был, есть и будет. Не перебивай, Сереженька! Да. Когда я молодая была, был у меня офицер знакомый с фамилией громкой такой. Пантюхиным его звали. Его еще убили где-то: не то в траншее, не то в трактире. Путать я теперь слова-то эти стала, которые помудреней. Так вот офицер этот самый, бывало, усищи свои закрутит, шпорой брякнет да и скажет: «У меня на каждом волоске усов по исправничихе сидит!» И что же ты думаешь? ведь сидели, убей меня Бог, сидели! Не поверишь ли, и из нашего города он тоже исправничиху увез! Да. Только, по счастью, на первой станции бросил ее. Эта исправничиха-то, по правде сказать, женщина сырая была, не так уж чтоб молодая! Видно, для офицерского призванья не стоящая!

Дарья Панкратьевна рассмеялась, любовно сияя сыну глазами. Сергей Петрович развешился тоже.

– Ну, я тебе, Сереженька, мешать не буду, – промолвила Дарья Панкратьевна, поднимаясь со стула. – Покойной ночи, сыночек!

Сергей Петрович пошел за матерью, провожая ее до двери.

– Покойной ночи, маменька. А Вася спит? – вспомнил он на пороге о младшем брате.

– И-и, давным-давно. Поди, десятый сон видит! Покойной ночи, Сереженька!

– Покойной ночи, маменька!

Дарья Панкратьевна исчезла в темном коридорчик. Сергей Петрович остался один. Он снова заходил по комнате, но волнение его несколько стихло.

«И чего я так волновался-то? – думал он. – Дуэль наша, наверное, ничем не кончится. Я в Полозова не попаду, а Полозов умышленно мимо выстрелит. Зачем ему убивать меня? Если я сегодня ему стула не уступил, так в другой раз я ему, пожалуй, десять стульев уступлю. Сегодня я просто не в духе был и на Варюшу рассердился. Полозов, наверное, все это прекрасно понимает».

– Да, конечно же, он меня убивать не станешь! – прошептал Сергей Петрович вслух и повеселел еще более. Но, тем не менее, он подсел к столу, чтобы перебрать кое-какие бумаги. – «На случай смерти», пояснил он, хотя сейчас он уже ни капельки не верил в возможность смерти. Он выдвинул ящик, начал перебирать бумаги и внезапно нашел между листами медную монету, весьма странную: на обеих сторонах её было выбито по орлу. Сергей Петрович долго рассматривал эту монету, соображая, откуда она могла попасть к нему в ящик. Наконец он вспомнил: ее принес ему Вася два года тому назад. Мальчик нашел ее на улице. Такие монеты дорого ценятся фабричными и мастеровыми, завзятыми игроками в орлянку, и изготавливаются специально для этой игры. С такою монетою в руке хороший игрок-шулер нередко выигрывает изрядную сумму, но, будучи изловлен на месте преступления, жестоко побивается всеми играющими сообща, не исключая и таких же, как и он, шулеров, которые даже бьют обыкновенно ожесточеннее и возмущаются проделкой сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.